

Брови Зецу опустились в ярости, и он выдернул землю из-под их ног, заставив Неджи инстинктивно распахнуть крылья, чтобы не упасть. Сакура бросилась вперед, когда Дзэцу уже рванул бы вперед, чтобы воспользоваться этой секундой сопротивления воздуха, и на этот раз ее клинок не сломался, а пронзил его руку по локоть, как стальной лист, выброшенный ураганом, пробивает саженец.

Она укрепила свое преимущество, когда его рука отлетела, и на мгновение подумала, что у нее есть шанс, хотя из корешка начали прорастать толстые, похожие на мускулы корни. Она находилась в невыгодном положении, поскольку ей нечем было подменить себя в воздухе, а ее мечи, хотя и могли служить якорями, не были сбалансированы и не имели такой формы, чтобы при броске лететь точно в цель. Они были слегка изогнуты, как и кости, из которых они были рождены.

Но когда она летела по небу, любое место по ее воле могло стать твердой землей под любым углом, и она взлетела над его плечом, подтянула ноги, повернула тело и оказалась на ногах, стоя лицом к земле. Она бросилась на него, но уклонилась в тот момент, когда могла бы снести ему голову, и, манипулируя воздухом, оттолкнулась от него, посылая в его сторону свои клинки.

Он отклонял их плоской стороной ладони, не позволяя острию лезвия пробить кожу, используя тот же принцип, что и в стиле "Нежный кулак", - мягкость для преодоления твердости.

Она и мечи учились друг у друга в этой битве, и она бы сделала каждый порез чище, эффективнее, смертоноснее, если бы не слышала - это слово было недостаточным для описания того, как оно отозвалось в ее чувствах, - влажное бульканье, которое заставило ее посмотреть вниз.

Земля опустилась всего на фут или два, и этого было достаточно, чтобы ноги Неджи, взмахнув крыльями, коснулись земли. Рука, которую она отрубила, пустила корни в пропитанную чакрой почву и сначала зацепила его ногу, потом выросла вверх по телу, а затем пятью наконечниками, похожими на копья, пронзила его грудную клетку. Весь этот нарост выглядел почти как рука и, казалось, сжимался даже тогда, когда все глубже вонзался в его органы.

Его губы уже были покрыты белой пеной.

Она мгновенно оказалась рядом с ним, отсекая все это от корня. Ее руки выпустили мечи, которые они держали, и мечи упали, лишь на мгновение задрожав и исчезнув, превратившись в яркие татуировки, совсем не похожие на мечи, на ее предплечьях - одна прижалась к его липкой коже, в то время как другая сомкнулась над наростами.

Сакура полагалась на свою способность подпитывать его чакрой, если он не сможет регенерировать самостоятельно. В случае неудачи она не была нином-медиком, не то что обученным полевым медиком, и, возможно, смогла бы стабилизировать его на какое-то короткое время, но в такой битве, где все идет на убыль, она сомневалась, что сможет его спасти.

Она пыталась выжечь из него корни, как делала это для себя, и чувствовала, как он пытается ей помочь, но если она тренировалась в манипулировании чакрой в тот период, когда Сай и она наносили слои первой печати, то Неджи и остальные члены Призрачного племени ощущали это скорее как превращение джинчурики в безголосого демона и меньше как превращение в настоящего мудреца.

Даже вливая чакру в связь между ними, она чувствовала, как его жизненная сила трепещет, а корни внутри него начинают разъедать чакру, поддерживающую его жизнь.

Она начала выдергивать их физически, и ей пришлось почти сжать его в одноруком объятии, чтобы он не дергался. Они стояли в воздухе на тонком, твердом слое ее чакры, а его спина упиралась во внутреннюю сторону ее колена.

Гаара и Сай прикрывали их, пока Зецу пытался пробить себе путь сквозь чернила и песок. Сай использовал свой опыт борьбы с Ангелом Аме и скрывал чернила внутри атак Гаары, позволяя ему атаковать под неожиданными углами, но у них были такие же проблемы, как и у нее с ее ножами.

Она уже вырвала несколько корней, когда почувствовала, что жизненная сила Неджи начинает тревожно убывать, и в долю секунды приняла решение рискнуть его жизнью так же, как и своей собственной. Его контроль над всем Призрачным племенем был необычайно велик, и она действительно верила, что он сможет пережить это вливание.

Положив его, она положила одну ладонь на его дантянь, а другую - на лоб и снова начала активно тянуть чакру из мира, пока она не закружилась вокруг её тела густыми белыми потоками, которые закручивались вокруг её рук и проникали в систему чакры под её руками, в которую уже вторглась эта гнилая зелёная чакра. Это стало битвой между двумя вторгшимися силами, и она была так занята поиском признаков того, что магниево-огненная вспышка её собственной чакры не вредит Неджи, что пропустила момент, когда живая и живая зелень присоединилась к её собственной.

Только когда она заметила, что корни сморщились, она обратила внимание на чакру, а к тому времени было уже слишком поздно принимать какие-либо решения по этому поводу - тело под руками зашевелилось, словно Неджи делал глубокий вдох, но это был уже не Неджи под ее руками. У человека, смотревшего на нее из-под тяжелых ресниц, были такие же бледные глаза, но форма лица неуловимо отличалась - по форме челюсти он напоминал Гаару, хотя, возможно, именно сильная подводка или татуировка вокруг глаз заставили ее сразу вспомнить Казекаге. У него были рога у линии роста волос, как у Зецу, только чуть длиннее и слегка выдавались вперед, а затем откидывались назад. Волосы у него были длинные, а кожа точно такого же оттенка, как у Зецу после того, как с него содрали темную плоть.

Сакура осторожно отступила назад, когда он сел, не зная, стоит ли предпринимать какие-либо попытки из-за того, что его чакра покрыла чакру Неджи. Должно быть, он прочел беспокойство на ее лице, потому что сказал: "Не волнуйся. Я не причиню своему сосуду никакого вреда - я верну его тебе полностью восстановленным от чакры моего брата".

"Брата?" спросила Сакура, вставая, когда он поднялся, хвост слегка подрагивал от волнения.

"Хагоромо. Тот, с кем ты сражаешься, тот, чья чакра заживо сожрала твоего спутника".

Сакура мгновение тупо смотрела на него. "Оцуцуки Хагоромо? Мудрец Шести Путей? Этого... нет, этого не должно быть".

"Ты не знал?"

"Нет, я думал - или мне казалось, что я знал - что он тот, кого имела в виду Кагуя, когда говорила о "том, кто грызет корни дерева", но... почему... что....".

У этого незнакомца был серьезный и очень суровый вид, но, кажется, он немного смягчился, хотя и не улыбнулся. "Когда-то Кагуя-сама умела лучше объяснять, но долгое одиночество и предшествующие ему события сделали ее очень нежелательной для общения с другими. Время от времени я заглядываю к ней, но она всегда спит.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3449764>